

УДК 81'367.332.3 + 811.511.142 + 811.511.25 + 811.512.212

DOI: 10.30624/2220-4156-2021-11-4-659-670

Элементарные простые предложения со значением состояния в уральских языках Сибири (хантыйском и ненецком)

Н. Б. Кошкарёва

*Институт филологии СО РАН,
г. Новосибирск, Российская Федерация,
koshkar_nb@mail.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение. Описание состояния человека и окружающей его среды занимает важное место в системе любого языка. Для типологической характеристики элементарных простых предложений статальной семантики необходимо охарактеризовать способы выражения предиката и синтаксические модели, в которых они используются.

Цель: выявить специфику системы статальных моделей в двух уральских языках Сибири – хантыйском и ненецком на фоне одного из тунгусо-маньчжурских языков – эвенкийского.

Материалы исследования: примеры на казымском диалекте хантыйского языка, лесном и тундровом диалектах ненецкого языка, полученные прежде всего от информантов, а также извлечённые из опубликованных источников, и примеры по эвенкийскому языку из лингвистических работ.

Результаты и научная новизна. Сопоставлены модели элементарных простых предложений, описывающие состояние человека и окружающей среды, в хантыйском и ненецком языках на фоне эвенкийского. Выявлены изосемические и неизосемические способы выражения статальной семантики. Новизна исследования состоит в том, что впервые для хантыйского и ненецкого языков выделяется особый лексико-грамматический класс стативов. К ним относятся непереходные глаголы статальной семантики, обладающие особым типом словоизменения, отличным от акциональных глаголов: стативы не употребляются в объектном спряжении, так как являются авалентными или одновалентными, при выражении состояния выступают в форме субъектного спряжения. В обоих языках представлены лексические единицы, своей грамматической формой указывающие на изменение состояния: в ненецком языке это глаголы в форме рефлексивного спряжения, в хантыйском – формы страдательного залога, который указывает также на каузацию состояния в результате воздействия внешних сил. Значение состояния выражается изосемически (глагольными предложениями со стативами) и неизосемически – именными предложениями с адъективными сказуемыми и некоторыми другими способами.

Ключевые слова: элементарное простое предложение, статальность, характеристика, состояние человека и окружающей среды, хантыйский язык, ненецкий язык, эвенкийский язык, субъектное спряжение, рефлексивное спряжение, страдательный залог, статив.

Благодарности: автор выражает благодарность анонимным рецензентам, а также всем информантам – носителям хантыйского и ненецкого языков.

Для цитирования: Кошкарёва Н. Б. Элементарные простые предложения статальной семантики в языках Сибири (хантыйском и ненецком) // Вестник угроведения. 2021. Т. 11. № 4. С. 659–670.

Elementary simple sentences with the meaning of state in the Uralic languages of Siberia (Khanty and Nenets)

N. B. Koshkareva

*Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russian Federation,
koshkar_nb@mail.ru*

ABSTRACT

Introduction: the description of human state and its environment occupies an important place in the system of any language. For the typological characterization of elementary simple sentences of static semantics, it is necessary to characterize the ways of expression of the predicate and the syntactic models in which they are used.

Objective: to identify the specifics of the system of static models in the two Uralic languages of Siberia – Khanty and Nenets in comparison with one of the Tungus-Manchurian languages – Evenk.

Research materials: examples in the Kazym dialect of the Khanty language, Forest and Tundra dialects of the Nenets language, obtained primarily from informants, as well as extracted from published sources, and examples on the Evenk language from linguistic works.

Results and novelty of the research: the models of elementary simple sentences describing the state of man and the environment in the Khanty and Nenets languages against the background of Evenk are compared. Isosemic and non-isosemic ways of expression of static semantics are revealed. The novelty of the study is that for the first time a special lexical and grammatical class of statives is distinguished for the Khanty and Nenets languages. These include intransitive verbs of static semantics, which have a special type of inflection different from actional verbs: statives are not used in object conjugation, since they are avalent or monovalent, when expressing a state they appear in the form of subject conjugation. In both languages, lexical units are represented that indicate a change in the state by their grammatical form: in the Nenets language, these are verbs in the form of reflexive conjugation; in the Khanty language these are forms of the passive voice, which also indicates the causation of the state as a result of external forces. The meaning of the state is expressed isosemically (by verb sentences with statives) and non-isosemically (by nominal sentences with adjectival predicates and some other ways).

Key words: elementary simple sentence, statality, characterization, state of man and nature, Khanty language, Nenets language, Evenk language, subject conjugation, reflexive conjugation, passive voice, stative.

Acknowledgements: the author expresses the gratitude to the anonymous reviewers, as well as to all informants – native speakers of the Khanty and Nenets languages.

For citation: Koshkareva N. B. Elementary simple sentences with the meaning of state in the Uralic languages of Siberia (Khanty and Nenets) // Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric Studies. 2021; 11 (4): 659–670.

Введение

Описание состояния человека и окружающей его среды занимает важное место в системе любого языка. Для типологической характеристики элементарных простых предложений важно охарактеризовать специфику выражения этой семантики, выявить значимые параметры структурирования системы статальных моделей в языках разных систем.

В плане содержания предложениям с семантикой состояния окружающей среды соответствует статальная пропозиция, описывающая пребывание субъекта в том или ином состоянии, имеющем временные пределы. В структуру пропозиции входит два компонента – субъект и предикат. Субъект статальной пропозиции квалифицируется как *экспериенцер* (Exp) – неактивный участник ситуации, пребывающий в том или ином неизменном состоянии на протяжении ограниченного периода времени, испытывающий, претерпевающий внешнее воздействие, но не контролирующий его.

Статальный предикат описывает временное пребывание в данном состоянии, в отличие от пропозиции характеристики с тем же составом компонентов, которая связана с представлением о постоянном, неизменном признаке или о его актуальности в течение достаточно длительного времени. В целом состояния менее стабильны, чем признаки и свойства [7, 77–78].

Статальные ситуации противопоставляются динамическим по характеру протекания события: динамические обозначают различные виды изменений или такие состояния, для поддержания которых от субъекта-агенса требуется постоянный приток энергии. Динамические ситуации делятся далее на процессы и события [7, 78].

Таким образом, предложения статальной семантики по составу обязательных компонентов (субъект и предикат) совпадают с предложениями характеристики, но отличаются от последних по признаку «непостоянный признак», «временное пребывание в том или ином состоянии». От акциональных они отличаются по типу предиката (авалентный или одновалентный vs. двухвалентный), передаваемого им значения (статика vs. динамика) и типу субъекта («претерпевающий» – *экспериенцер* vs. активно действующий *агенси*).

Целью данной статьи является выявление специфики системы статальных моделей в двух уральских языках Сибири – хантыйском и ненецком на фоне одного из тунгусо-маньчжурских языков – эвенкийского.

Мы опираемся на работы по моделированию элементарного простого предложения, выполненные в традициях новосибирской синтаксической школы: по хантыйскому языку – В. Н. Соловар [11], по тундровому ненецкому языку – М. В. Баркаловой [1], по эвенкийскому языку – Е. Г. Самойловой [8; 9; 10], привлекаем также работы русистов – И. П. Матхановой [3; 4; 5], а также специалистов в области сравнительно-сопоставительного и типологического изучения языков [6; 7, 16; 17; 18; 19].

Материалы и методы

Материалом для данной статьи послужили примеры на казымском диалекте хантыйского языка, лесном и тундровом диалектах ненецкого языка, полученные прежде всего от информантов, а также извлеченные из опубликованных источников [12; 13; 14; 15], и примеры по эвенкийскому языку из лингвистических работ [2; 8; 9; 10].

Для анализа фактического материала применялся метод синтаксического моделирования, позволяющий выявить значимые для структуры и семантики элементарных простых предложений факторы и представить единицы языка в отвлечении от специфики их речевых реализаций, а также методы сравнительно-сопоставительного изучения языков.

Результаты

1. Статив как особая форма предиката стальных предложений

В изучаемых нами языках глагольные парадигмы включают субпарадигмы субъектного и объектного спряжений, в ненецком также рефлексивного спряжения. В хантыйском языке широко употребляется пассив, который образуется не только от переходных, но и от непереходных глаголов, в ненецком языке специальной формы страдательного залога нет.

Грамматически в один класс объединяются статальные и процессуальные ситуации, выражаемые авалентными или одновалентными глаголами в формах субъектного спряжения или в пассиве в хантыйском языке и в форме субъектного или рефлексивного спряжения в ненецком языке. Они отчетливо противопоставляются событиям, в которых агенс активно воздействует на пациенса, иницируя и контролируя изменение его характеристик (*вылечить, очернить, отполировать*) или каузируя его появление, исчезновение или повреждение (*создать, построить, разрушить, ударить* и т. д.), что выражается двух- или трехвалентными глаголами, принимающими показатели субъектного и объектного спряжения, а также пассива.

При изосемическом способе пропозиция выражается при помощи слов, для которых данная функция является основной, типичной. Изосемическим способом выражения субъекта в рассматриваемом типе предложений являются имена существительные, обозначающие лицо или явление природы, или замещающие их местоимения. Вопрос об изосемическом способе выражения предиката не столь очевиден: средства выражения состояния могут располагаться на шкале «прилагательное – глагол» на разном расстоянии от полюсов, при этом в некоторых языках статальность тяготеет к полюсу прилагательных, в других – к полюсу глаголов. В ряде языков в качестве особой промежуточной части речи выделяются так называемые

стативы – особые лексико-грамматические классы слов, предназначенные для выражения состояния, совмещающие признаки глаголов и прилагательных [19]. В русском языке в качестве отдельной части речи выделяют *слова категории состояния* (*тепло, холодно, светло*), хотя многие ученые считают их краткими прилагательными в условно-грамматической форме среднего рода, мы склонны присоединиться к их точке зрения.

Применительно к уральским языкам Сибири (хантыйскому и ненецкому) есть основания говорить о наличии особых стативных форм, изменяющихся по глагольному типу. Это означает, что на шкале стативности данные языки тяготеют к полюсу глагольности, в отличие от русского языка, который для выражения состояния в большей степени захватывает зону прилагательных (помимо слов категории состояния, сюда относятся и общепризнанные краткие прилагательные типа *я болен / здоров / спокоен* и под.).

В «Ненецко-русском словаре» Н. М. Терещенко лексемы со значением проявления цветового признака, как и многие другие слова качественной семантики, представлены как глаголы, например: **селвхасимдй(сь)** 1) быть тёмно-красным; отливать красным; 2) перен. быть румяным, красивым (о лице); **нярмдй(сь)** быть красным; краснеть; *вы'ерня ңопой ңэнда ниня нярмады* (загадка) среди тундры краснеет [стоя] на одной ножке (морoshка); **нярмортй(сь)** быть багровым, багряным; *пэ-всюмбы ялэмд*» *нярморта* вечерняя заря багряная [14]. Принимая лично-предикативные показатели времени, лица и числа по типу субъектного спряжения в позиции сказуемого, они имеют неполную глагольную парадигму: для выражения разнообразных модальных значений используются вспомогательные глаголы в составе аналитической конструкции. Таким образом, именные основы в позиции сказуемого имеют неполную глагольную парадигму, выражая, тем не менее, необходимый предикативный минимум.

Другим грамматическим способом указания на статальность в ненецком языке выступает рефлексивное спряжение, которое, наряду со значением фазисности, возвратности, непреднамеренности действия, используется при одновалентных глаголах со значением перехода в новое состояние, например:

(1) ненецк. тундр.

Нумда ибкабтэй".

нум=∅=да

погода=NOM=POSS/3SG/Sg

‘Погода стала теплее.’

ибкабтэ=й="

статья теплым=refl=REFL/3SG

(2) ненецк. тундр.

Пякоця илейбтей"

пя=коця=∅

дерево=DIM=NOM

‘Деревце слегка зазеленело.’

илейбте=й="

зазеленеть=refl=REFL/3SG

Серию подобных примеров с глаголами в форме рефлексивного спряжения можно легко продолжить: Сырада махадэй» ‘Снег затвердел’; Сарё’ пуд нядэй лярцорй» ‘После дождя распушился ягель’; Нюми ёльце тавдэй” ‘Моя дочь стала очень опрятной’; Хадана» сята тынарй» ‘Лицо у бабушки стало морщинистым’. Все эти примеры обозначают переход из одного состояния в другое, динамичность данного процесса подчеркивается глагольной формой. Подобных стативных глаголов, принимающих аффиксы только рефлексивного спряжения, в ненецком языке довольно много. Соответственно, для ненецкого языка грамматическим способом выражения значений качественной характеристики и стативности можно считать тип спряжения: субъектное спряжение используется, если глаголом или прилагательным передается неизменный или длительный признак, рефлексивное спряжение используется при стативах со значением изменения состояния.

В хантыйском языке есть ряд глаголов, которые также можно признать стативами: одни из них принимают форму только субъектного спряжения (В «Хантыйско-русском словаре»

В. Н. Соловар [12] отмечено чуть больше 30 таких глаголов), другие выступают исключительно в форме страдательного залога (таких глаголов в словаре В. Н. Соловар насчитывается около 170). На фоне акциональных глаголов, которые могут принимать показатели субъектного и объектного спряжения, а также страдательного залога, т. е. имеют полную парадигму глагольного словоизменения, формы статива ограничены субъектными показателями, поскольку такие глаголы авалентны или одновалентны и никаких других актантных позиций, кроме позиции субъекта, при них нет.

При этом в хантыйском языке в основе противопоставления глаголов в субъектной и пассивной формах лежит, кроме оппозиции «состояние vs. переход в новое состояние» (примеры 3 и 4), также оппозиция «состояние vs. каузация состояния» (пример 5), что для пассива, стандартно образующегося от переходных глаголов, вполне естественно. Яркой типологической особенностью хантыйского языка является возможность образования пассивных форм от непереходных глаголов, что можно считать грамматическим признаком статива.

(3) хант. каз.

Хуты нӓӹ ашэмсайэн [12, 45].

хуты

нӓӹ

ашэм=с=ай=эн

как

ты

прийти в ярость=PAST=PASS=SUBJ/2SG

‘Что ты пришёл в ярость.’

(4) хант. каз.

Ухӓл лӓӹӹц аӹкӓл иты вотса [12, 65].

ух=ӓл=NOM

лӓӹӹц

аӹкӓл

иты

вот=с=а=∅

голова=POSS/1SG/SG

снег

пень

как

обветриться=PAST=PASS=SUBJ/3SG

Голова=его как снежный пень поседела (букв.: обветрена).

Сӓмтӓт кивартӓсыйӓт ‘Берёзы покрылись инеем’ [12, 203]; Ин икӓн иса кӓтӓӹӹцӓсӓ ‘Этот мужчина совсем опьянел’ [12, 224]; Мӓлӓӹӹ лӓӹ

потӓмса ‘Озеро замерзло’ [12, 237]; Мӓлӓӹӹ лӓӹ потӓмса ‘Озеро замерзло’ [12, 237]; Тӓм лӓӹмсм хӓрӓӹӹӓтса ‘Этот топор заржавел’ [12, 577].

(5) хант. каз.

Ма ицкийэн пэвсайэм [12, 461].

ма ицкий=эн

я мороз=LOC

пэв=с=ай=эм

замёрзнуть=PAST=PASS=SUBJ/1SG

‘Я замёрз.’

Таким образом, в хантыйском и ненецком языках имеются грамматически маркированные формы, выражающие состояние, противопоставленные по своим словоизменительным возможностям акциональным глаголам, их можно считать особым лексико-грамматическим классом, предназначенным для выражения стательности. Функционально непереходные глаголы в обоих языках похожи в том отношении, что получают особое грамматическое маркирование: сходство состоит в наличии субъектного спряжения, противопоставленного объектному, а также в том, что в обоих языках стательные глаголы получают особое формально-грамматическое маркирование. Различия между языками касаются наличия третьего, рефлексивного, типа спряжения в ненецком и широком использовании пассива в хантыйском.

2. Модели состояния человека и окружающей среды в хантыйском и ненецком языках

В плане выражения предложения, описывающие состояние человека и окружающей среды, различаются в языках разных систем тем, какими средствами в них выражается одна и та же семантика: строятся ли они на базе собственных, отличных от других конструкций или совпадают с типовыми синтаксическими структурами (ТСС) бытия, качественной характеристики или др.

Изосемическим средством выражения стательной семантики является ТСС типа $N_{\text{ном}} V_f$ с

(6) нен. тундр.

Пихи-пихия нани' хадва" савума? [15, 61].

пихи-пихи=ня

нани'

хад=ва"

савума=Ø

находящийся на улице=PrP

опять

пурга=POSS/1Pl

улучшиться=SUBJ/3Sg

Букв.: На уличной улице опять пурга наша улучшилась?

‘Стихла ли пурга?’

(7) нен. лесн. пур.

Тай"ня хылта ка"май.

тай"ня

хылта=та

ка"=май=Ø

потом

снег=POSS/3Sg

выпасть=PP=SUBJ/3Sg

‘Потом снег выпал.’

семантикой «кто / что пребывает в состоянии», предназначенная для обозначения состояния одушевленного субъекта, окружающей среды, а также функционирования механизмов и агрегатов. Предикаты, формирующие стательные модели, авалентны или одновалентны, т. е. для их структурно-семантической завершенности требуется только одна актантная позиция либо актантная позиция не требуется вообще. Позицию предиката в хантыйском и ненецком языке занимают стативы, имеющие специфический набор грамматических показателей.

Стательные предложения могут отображать событие двумя способами – как состояние и как процесс. На этом основании разграничиваются модели состояния и модели процесса (деятельности).

В зависимости от семантики субъекта состояния, а также от типового значения предиката выделяется пять ядерных типов моделей состояния:

1) состояние окружающей среды;

2) изменение состояния окружающей среды;

3) состояние одушевленного субъекта;

4) состояние неодушевленного субъекта;

5) процесс / деятельность.

1) Модель состояния окружающей среды $N_{\text{ном}}^{Fr} V_{\text{subj}}^{\text{Stat}}$ имеет конкретный субъект, который называет такие натурфакты, как ‘снег’, ‘пурга’, ‘ветер’, ‘лед’, ‘изморозь’ и др.

В ненецком языке предикат данной позиции несет меньшую смысловую нагрузку, чем субъект: наряду с глаголами, обозначающими конкретное состояние природы, такими как дюш (лесн.) ‘растать’, ка»маш (лесн.), ха»мась (тундр.) ‘пойти, выпасть (о снеге)’, марбась (тундр.) ‘бушевать (о пурге)’, в роли предиката могут использоваться глаголы более обобщенной семантики, такие как тебась ‘наступить’, ладась ‘начаться’, савумзь (тундр.) ‘улучшиться’:

В хантыйском языке предикатом в таких предложениях может быть максимально десемантизированный глагол:

(8) хант. каз.

λḁ́ś pitās

λḁ́ś=Ø

pit=əs=Ø

снег=NOM/Sg

статья=PAST=SUBJ/3Sg

‘Снег выпал.’

Для эвенкийского языка в большей мере характерны предложения, в которых позиция субъекта либо отсутствует, либо является десемантизированной, либо же в субъектной и предикатной позициях употребляются однокоренные слова.

(9) эвенк.

Умнэт хосинан [2, 128].

умнэт

хосин=a=n

вдруг

молния=PR/PERF=3Sg

‘Вдруг сверкнула молния.’

(10) эвенк.

[Хактыра бичэн], сомамат эдынdechэн [8].

со=мама=t

очень=INTSF=ADV

эды=де=чэ=n

ветрить=IMPF=PAST=3Sg

‘[Было темно], дул очень сильный ветер.’

(11) эвенк.

Удуллэн, [тарит бу дюлавэр мучурав] [2, 25].

уду=л=лэ=n

дождить=INCP=PR/PERF=3Sg

‘Начался дождь, [поэтому мы вернулись домой].’

(12) эвенк.

Эдын сомат эдыллэн [8].

эдын=Ø

со=ма=t

ветер=NOM

очень=INTSF=ADV

эды=л=лэ=n

ветрить=INCP=PR/PERF=3Sg

‘Ветер очень сильно подул.’

(13) эвенк.

Гороло агды агдыллан [2, 128].

гороло

агды=Ø

далеко

гром=NOM

агды=л=ла=n

греметь (о грое)=INCP=PR/PERF=3Sg

‘Вдали загремел гром.’

Таким образом, в уральских языках при обозначении природных и атмосферных явлений наблюдается тенденция к заполнению субъектной

позиции, которую могут занимать имена, обозначающие определённое атмосферное явление. Предикат при них может быть десемантизированным. В эвенкийском языке, наоборот, основная нагрузка по выражению данного смысла ложится на предикат.

2) Изменение состояния окружающей среды часто осмысливается предельно абстрактно, вне конкретизации субъекта – носителя состояния. Позиция субъекта может либо отсутствовать, либо её занимает формальное подлежащее, не несущее семантической нагрузки.

Типология предложений этого типа строится с учётом наличия / отсутствия субъектной позиции в структуре предложения, а также семантики субъекта и предиката: каждый из них может быть десемантизирован либо, наоборот, может передавать конкретное значение, связанное с обозначением природных явлений.

Способы выражения субъекта:

1) Ø – позиция субъекта не вербализована: ит. *Piove* (дождь.PR.3SG) ‘Идёт дождь’;

2) ‘это’ – позицию субъекта занимает фиктивное подлежащее (*dummy subject*), выраженное местоимением: англ. *It is raining*; фр. *Il pleut*; нем. *Es regnet* ‘Идёт дождь’;

3) ‘дождь’, ‘снег’, ‘молния’ – в позиции субъекта стоит имя существительное, обозначающее конкретную разновидность осадков или атмосферных явлений: Дует ветер, падает снег.

Способы выражения предиката:

1) десемантизированный глагол бытия или движения (типа есть, имеет место быть, идёт, падает);

2) глагол, описывающий конкретное природное явление (‘дождит’, ‘снежит’ и т. п.)

Логически возможны шесть типов комбинации способов выражения субъекта и предиката, однако маловероятны варианты описания состояния природы при помощи одновременно десемантизированных и субъекта, и предиката или при помощи десемантизированного предиката при нулевом субъекте.

В тундровом диалекте ненецкого языка позиция формального подлежащего заполняется более или менее регулярно (в 38 из 42 примеров в выборке). Её занимает единственно возможное в данном случае существительное нум ‘небо’, ‘погода’. Оно стоит в форме именительного падежа и может оформляться лично-притяжательными аффиксами, которые обозначают не принадлежность тому или иному лицу, а выполняют референциальную функцию, подобную функции определенного артикля. Предикат выражается глаголом в субъектном спряжении.

(14) нен. тундр.

Тикан' тикы мята мярхава нум' пэвсюмя [15, 59].

тикан' тикы	мя=та	мяр=хава=Ø	нум'
туда тот	чум=POSS/3Sg	поставить чум=PRTCL=CV	небо
пэвсюмя=Ø			
вечереть=SUBJ/3Sg			

‘Когда тот свой чум туда поставил, небо за вечерело.’

(15) нен. лесн. пур.

Чикен нумта пэмшама, пиуэ катя.

чики	жу»	нум=та	пэмшама=Ø	пи=јуэ
этот	тоже	небо=POSS/3Sg	стемнеть=SUBJ/3Sg	ночь=TRANS
катя=Ø				
статья=SUBJ/3Sg				

‘Тут стемнело, ночь настала.’

(16) нен. лесн. пур.

Куках'на нум чешха'ма.

куках'на	нум	чешха'ма=Ø
однажды	погода	похолодать=SUBJ/3Sg

‘Однажды холодно стало.’

(17) хант. каз.

Tqrəm iškātəs.

tqrəm=Ø	iškāt=əs=Ø
погода=NOM	похолодать=PAST=SUBJ/3SG

‘Погода похолодала.’

Для лесного диалекта ненецкого языка, а также для казымского диалекта хантыйского языка в большей степени, чем для тундрового ненецкого, характерно отсутствие подлежащего, например:

В. Н. Соловар выделяет в казымском диалекте 18 глаголов, которые могут употребляться без субъекта [12, 122–130], а также единичные примеры дублирования субъекта и подлежащего [12, 126]:

(18) нен. лесн. аган.

Пэмшама.

пэмшама=Ø
темнеть=SUBJ/3Sg

‘Стемнело.’

(21) хант. каз.

Jert jertəl.

jert=Ø	jert=əl=Ø
дождь=NOM	дождить=PR=SUBJ/3SG

‘Идет дождь.’

(19) хант. каз.

Ši pātłəs.

ši	pātł=əs=Ø
вот	темнеть=PAST=SUBJ/3Sg

‘Стемнело.’

Аналогично и для эвенкийского языка: подобная семантика описывается безактантными предложениями.

(22) эвенк.

Харгиду голкам хактырарэн [2, 128].

харги=ду	голкам	хактыра=рэ=н
тайга=DAT	совсем	стемнеть=PR/PERF=3Sg

‘В тайге совсем стемнело.’

(20) хант. каз.

Rimχəmti ši pitəs.

rimχəm=ti	ši
смеркаться=PrP	вот
pit=əs=Ø	
статья=PAST=SUBJ/3Sg	

‘Стало смеркаться.’

(23) эвенк.

Нэридерэн [2, 128].

нэри=де=рэ=н
светать=IMPF=PR=3Sg

‘Светает.’

Таким образом, типологически значимым признаком моделей состояния окружающей среды в сибирских языках является ориентация на глагол как основной носитель значения, субъект при этом может отсутствовать или его позицию занимают слова, обозначающие погоду максимально широко, как в ненецком языке, где употребляется лексема нум 'небо', 'погода', или его эквивалент в хантыйском – *tq̄rəm* 'небо', 'погода'. По отвлеченности своей семантики эти лексемы скорее сближаются с указательными местоимениями типа англ. *it*, фр. *il*, нем. *es* 'это', хотя они и не в полной мере десемантизированы.

Возможны в хантыйском языке и глаголы обобщенной семантики при конкретном субъекте:

(24) хант. каз.

Łǝńś pitmał.

Łǝńś=Ø pit=m=ał
снег=NOM падать=PP=3SG
'Снег выпал, оказывается.'

В хантыйском языке состояние окружающей среды передается также именами прилагательными: *iški* 'холодно', *ŕiŕwəŋ* 'знойно', *wəŕəŋ* 'ветрено' и т. п. Несмотря на то, что В. Н. Соловар считает эти основы недифференцированными по частеречной принадлежности [11, 122], мы относим эти и подобные лексемы к прилагательным, так как в составе многих из них выделяются аффиксы прилагательных (=əŋ), структура предложений, в которых они употребляются, совпадает со структурой предложений характеристики со сказуемым – прилагательным, вариант со значением перехода в новое качество образуется прилагательным в форме дательного падежа, например:

(25) хант. каз.

Melka jitał [11, 122].

mēlk=a ji=t=ał
теплый=DAT стать=PrP=3SG
'Тепло становится, оказывается.'

Таким образом, в хантыйском языке именная модель характеристики с предикатом – именем прилагательным выражает также и состояние окружающей среды. Возможно интерпретировать перераспределение способов выражения состояния между моделями характеристики и

состояния таким образом, что любое длительное состояние осмысливается как постоянный признак предмета, поэтому кодируется так же, как и характеристика, которой присуще постоянство, неизменность, субъект 'погода' воспринимается как инактивный, тогда как глагольные модели со стативами обслуживают зону процессуальности, перехода из одного состояния в другое.

Переход из одного состояния в другое выражается также ТСС, предназначенной для передачи значения движения:

(26) хант. каз.

Łtəra jis.

Łtər=a ji=s=Ø
ясный, морозный=DAT стать=PAST=SUBJ/3SG
'Стало ясно, морозно.'

Развитие семантики моделей движения в сторону выражения изменения состояния логически обосновано: конечная точка движения, которая стандартно выражается формой дательного падежа, переосмысливается как новое состояние субъекта, в которое он в буквальном смысле переходит. К тому же глагол *jiti* 'стать' употребляется также и для обозначения движения по направлению к говорящему.

Результаты типологического исследования способов выражения состояния окружающей среды было проведено на материале 218 языков [19, 258–260]. Авалентные глаголы используются в 78 из 218 языков, что составляет 35.8% выборки, употребление референциального субъекта типа 'дождь' зафиксировано в 128 языках (58.7%), указывается также выражение стательной семантикой при помощи бытийного предложения 6 из 218 языков (2.8%). Способ выражения состояния при помощи конструкции с прототипической семантикой характеристики в данной выборке не отражен. Видимо, подобные предложения в хантыйском языке являются типологически редкими.

3) Модели состояния одушевленного субъекта характеризуются использованием разных стратегий построения в ненецком и хантыйском языках. Если описывается постоянное состояние, неизменное на протяжении длительного времени, то в обоих языках глагол принимает форму субъектного спряжения:

(27) нен. лесн. пур.

Ѓайвай тончош маней конёшту.

Ѓайва=й тончо=ш маней конё=шту=Ø
голова=POSS/1Sg укрыть=CONV я спать=HAB=SUBJ/3Sg
Букв.: Укрыв голову, я сплю.
'Я сплю, укрывшись с головой.'

(28) хант. каз.

Nawrem taka ɔ̌l.

nawrem=Ø taka ɔ̌l=Ø

ребёнок=NOM/Sg крепко спать.Pr=SUBJ/3Sg

‘Ребёнок крепко спит.’

Если же состояние явилось результатом предшествующего воздействия внешних сил или происходит изменение состояния, то в ненецком языке используется рефлексивное спряжение, а в хантыйском – страдательная форма глагола-сказуемого.

(29) нен. лесн. пур.

Чикехетты маньшту: «Пу’ша кынилемыдя»!

чике=хет=ты

мань=шту=Ø

пу’ша=Ø

тот=ABL/Sg=POSS/3Sg

сказать=HAB=SUBJ/3Sg

старуха=NOM/Sg

кыниле=мы=дя=»

замёрзнуть=EV=refl=REFL/3Sg

‘Потом говорит: «Старуха замёрзла, оказывается!»

(30) хант. каз.

Jəšɣalam isa šiw pətsajɣən.

jəšɣalam

isa

šiw

pəts=s=aj=ɣən

рука=POSS/1Sg/Du

весь

совсем

замёрзнуть=PAST=PASS=SUBJ/3Du

‘Руки у меня совсем замёрзли.’

4) В модели состояния неодушевленного субъекта позицию субъекта могут занимать любые неодушевлённые существительные, выраженные формой именительного падежа. Предикат

принимает форму субъектного спряжения. Позиция субъекта не может оставаться незанятой, поскольку субъект-функтив является организующим элементом в структуре пропозиции.

(31) нен. тундр.

Ненада няруй" туць нуркада" [15, 103].

ненада

няруй=»

ту=ць

сердитый

стрела=NOM/Pl

искриться=CONV

нуркада=»

ударяться со звоном=SUBJ/3Pl

‘Сверкая искрами, зазвенели сердитые стрелы.’

(32) нен. лесн. пур.

Четахаман ɳай вэ"ко матура тахалыхиэвон.

четахаман

ɳай

вэ"ко

матура=та

сейчас-то

опять

старик

мотор=POSS/3Sg/Sg

тахалы=хиле=вон=Ø

сломаться=MOM=AUD=SUBJ/3Sg

‘Сейчас-то у старика опять, слышно, мотор сломался.’

(33) хант. каз.

Niməl wat keλλən ɣōlasət.

niməl

wat keλ=λən=Ø

ɣōla=s=ət

охотничьи лыжи

крепление=POSS/3Pl/Pl=NOM

износиться=PAST=SUBJ/3Pl

‘Крепления охотничьих лыж изнашивались.’

5) Модель процесса / деятельности обозначает деятельность активного субъекта, не ориентированную на объект (‘смеяться’ ‘отдыхать’

‘улыбаться’), либо деятельность, направленную на объект, как постоянное занятие.

(34) нен. лесн. пур.

Кали»та нянта муну»у, выдипты.

кали»та	нян»та	муну»у=Ø	выдипты=Ø
он сам	с=GEN/POSS/3Sg	говорить=SUBJ/3Sg	улыбаться=SUBJ/3Sg

‘(Он идёт,) сам с собой разговаривает, улыбается.’

(35) хант. каз.

Śi xojen šoxəl.

śi	xoj=en=Ø	šox=əl=Ø
этот	мужчина=POSS/2Sg/Sg=NOM	свистеть=Pr=SUBJ/3Sg

‘Этот мужчина свистит.’

(36) нен. тундр.

Нинекав жокавна толаңу [13, 76].

нинека=в	жока=вна	тола=нгу=Ø
старший брат=POSS/1Sg	много=PROLAT/Sg	читать=INTR=SUBJ/3Sg

‘Мой старший брат много читает.’

(37) хант. каз.

Tānləsti ne tānləsλ.

tānləs=ti	ne=Ø	tānləs=λ=Ø
мять шкуру=PrP	женщина=NOM	мять шкуру=Pr=SUBJ/3Sg

‘Женщина, которая мнёт шкуру, мнёт шкуру.’

(38) хант. каз.

Nōləsti ne nōləsλ.

nōləs=ti	ne=Ø	nōləs=λ=Ø
снимать мездру=PrP	женщина=NOM	снимать мездру=Pr=SUBJ/3Sg

‘Мездру снимающая женщина мездру снимает.’

(39) хант. каз.

Jəntəsti ne jəntəsλ.

jəntəs=ti	ne=Ø	jəntəs=λ=Ø
шить=PrP	женщина=NOM	шить=Pr=SUBJ/3Sg

‘Шьющая женщина занимается шитьём.’

Обсуждение и заключение

Изосемическим способом статальной семантики логично было бы признать модель элементарного простого предложения $N_{Nom}^{Exp} V_{Subj}^{St}$, позицию субъекта в которой занимает имя существительное, обозначающее субъекта-экспериментера – название лица, явления окружающего мира или действующего артефакта, а позицию предиката – статив в форме субъектного спряжения, тем более что применительно к хантыйскому и ненецкому языкам есть все основания для выделения стативов как особого лексико-грамматического класса. Мена спряжения на рефлексивное в ненецком языке и форма страдательного залога в хантыйском языке связаны с обозначением изменения состояния. Несмотря на разли-

чия в грамматических способах выражения (тип спряжения или форма залога) функционально они совпадают, так как формируют варианты основной модели, фиксирующие переход из одного состояния в другое.

Сфера значений прилагательных в обоих языках включает выражение состояния: в ненецком языке качественные основы, в других языках интерпретируемые как прилагательные, в позиции сказуемого принимают предикативные показатели и считаются поэтому глагольными формами. По отношению к ним термин статив, по-видимому, является наиболее подходящим, так как, имея значение характеристики, в грамматическом отношении они ведут себя как глаголы, хоть и с неполной парадигмой.

В хантыйском языке типичная модель характеристики с прилагательным может передавать также и значение состояния. Возможно, это связано с представлением о достаточно длительном пребывании в состоянии, которое начинает восприниматься как постоянный признак. В этом отношении большой интерес представляет исследование семантики конструкций в рамках

языковой картины мира, где представления о временном или постоянном признаке может интерпретироваться по-своему, а значение состояния синтаксически оформляться при помощи неизосемических средств – конструкций, предназначенных для выражения характеристики, процесса, бытия, но приобретающих переносные значения состояния.

Список источников и литературы

1. Баркалова М. В. Функционально-семантическая классификация глагольных моделей ненецкого языка // Языки коренных народов Сибири. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2004. Вып. 14. С. 171–217.
2. Колесникова В. Д. Синтаксис эвенкийского языка. М.; Л.: Наука, 1966. 246 с.
3. Матханова И. П. Высказывания с семантикой состояния в современном русском языке: дис. ... д-ра филол. наук. Санкт-Петербург, 2001. 337 с.
4. Матханова И. П. Вариативность высказываний с семантикой непроцессуального состояния в современном русском языке // Проблемы функциональной грамматики. Семантическая инвариантность/вариативность / Под ред. А. В. Бондарко. СПб.: Наука, 2003. С. 101–118.
5. Матханова И. П. Поле состояния в современном русском языке: прототип и его окружение // Проблемы функциональной грамматики. Полевые структуры / отв. ред. А. В. Бондарко, С. А. Шубик. СПб.: Наука, 2005. С. 103–113.
6. Павлова А. В. Доминантный принцип статального форматирования знаний о мире // Когнитивные исследования языка. 2020. № 4 (43). С. 231–241.
7. Плунгян В. А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2011. 672 с.
8. Самойлова Е. Г. Глагольные модели элементарного простого предложения в эвенкийском языке // Языки коренных народов Сибири. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2003. Вып. 11. С. 60–107.
9. Самойлова Е. Г. Бытийно-пространственные модели элементарного простого предложения в эвенкийском языке // Языки коренных народов Сибири. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2002. Вып. 12. С. 67–114.
10. Самойлова Е. Г. Элементарные простые предложения с именным сказуемым в эвенкийском языке // Языки коренных народов Сибири. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2004. Вып. 14. С. 218–235.
11. Соловар В. Н. Парадигма простого предложения в хантыйском языке (на материале казымского диалекта). Новосибирск: Любава, 2009. 264 с.
12. Соловар В. Н. Хантыйско-русский словарь (казымский диалект). Новосибирск: Издательство СО РАН, 2020. 689 с.
13. Терещенко Н. М. В помощь самостоятельно изучающим ненецкий язык. Л.: Учпедгиз, 1959. 148 с.
14. Терещенко Н. М. Ненецко-русский словарь. М.: Советская энциклопедия, 1965. 749 с.
15. Терещенко Н. М. Ненецкий эпос: Материалы и исследования по самодийским языкам. Л.: Наука: Ленингр. отделение, 1990. 335 с.
16. The Cambridge Handbook of Linguistic Typology / Edited by A. Y. Aikhenvald and R. M. W. Dixon. Cambridge University Press, 2017. 1026 p.
17. Moravcsik E. Introducing Language Typology. New York: Cambridge University Press, 2013. 320 p.
18. Payne T. Exploring Language Structure: A Student's Guide. New York: Cambridge University Press, 2006. 391 p.
19. Velupillai V. An Introduction to Linguistic Typology. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2012. 517 p.

References

1. Barkalova M. V. *Funkcional'no-semanticheskaya klassifikaciya glagol'nyh modelej neneckogo yazyka* [Functional-semantic classification of verbal models of the Nenets language]. *Yazyki korennykh narodov Sibiri* [Languages of the indigenous peoples of Siberia]. Novosibirsk: Novosb. gos. un-t Publ., 2004. Iss. 14. pp. 171–217. (In Russian)
2. Kolesnikova V. D. *Sintaksis evenkijskogo yazyka* [The syntax of the Evenk language]. Moscow; Leningrad: Nauka Publ., 1966. 246 p. (In Russian)
3. Matkhanova I. P. *Vyskazyvaniya s semantikoj sostoyaniya v sovremennom russkom yazyke* [Statements with the semantics of the state in the modern Russian language]. Saint-Petersburg, 2001. 337 p. (In Russian)
4. Matkhanova I. P. *Variativnost' vyskazyvanij s semantikoj neproccessual'nogo so-stoyaniya v sovremennom russkom yazyke* [Variability of statements with semantics of non-procedural state in the modern Russian language]. *Problemy funkcional'noj grammatiki. Semanticheskaya invariantnost'/variativnost'* [Problems of functional grammar. Semantic invariance/variability]. Ed. by A. V. Bondarko. Saint-Petersburg: Nauka Publ., 2003. pp. 101–118. (In Russian)

5. Makthanova I. P. *Pole sostoyaniya v sovremennom russkom yazyke: prototip i ego okruzhenie* [The field of state in the modern Russian language: the prototype and its environment]. *Problemy funkcional'noj grammatiki. Polevye struktury* [Problems of functional grammar. Field structures]. Ed. by A. V. Bondarko, S. A. Schubik. Saint-Petersburg: Nauka Publ., 2005. pp. 103–113. (In Russian)
6. Pavlova A. V. *Dominantnyj princip statal'nogo formatirovaniya znanij o mire* [The dominant principle of total formatting of knowledge about the world]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive Language Studies], 2020, no. 4 (43), pp. 231–241. (In Russian)
7. Plungyan V. A. *Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku: grammaticheskie znacheniya i grammaticheskie sistemy yazykov mira* [Introduction to grammatical semantics: grammatical meanings and grammatical systems of the languages of the world]. Moscow: Rossijskij gosudarstvennyj gumanitarnyj universitet Publ., 2011. 672 p. (In Russian)
8. Samoylova E. G. *Glagol'nye modeli elementarnogo prostogo predlozheniya v evenkij-skom yazyke* [Verbal models of an elementary simple sentence in the Evenk language]. *Yazyki korennyh narodov Sibiri* [Languages of the indigenous peoples of Siberia]. Novosibirsk: Novosb. gos. un-t Publ., 2003. Iss. 11. pp. 60–107. (In Russian)
9. Samoylova E. G. *Bytijno-prostranstvennye modeli elementarnogo prostogo predlozheniya v evenkijskom yazyke* [Existential and spatial models of an elementary simple sentence in the Evenk language]. *Yazyki korennyh narodov Sibiri* [Languages of the indigenous peoples of Siberia]. Novosibirsk: Novosb. gos. un-t Publ., 2002. Iss. 12. pp. 67–114. (In Russian)
10. Samoylova E. G. *Elementarnye proste predlozheniya s imennym skazuemym v evenkijskom yazyke* [Elementary simple sentences with a nominal predicate in the Evenk language]. *Yazyki korennyh narodov Sibiri* [Languages of the indigenous peoples of Siberia]. Novosibirsk: Novosb. gos. un-t Publ., 2004. Iss. 14. pp. 218–235. (In Russian)
11. Solovar V. N. *Paradigma prostogo predlozheniya v hantyjskom yazyke (na materiale ka-zymskogo dialekta)* [The paradigm of a simple sentence in the Khanty language (based on the material of the Kazym dialect)]. Novosibirsk: Lyubava Publ., 2009. 264 p. (In Russian)
12. Solovar V. N. *Hantyjsko-russkij slovar' (kazymskij dialekt)* [Khanty-Russian Dictionary (Kazym dialect)]. Novosibirsk: Izda-tel'stvo SO RAN Publ., 2020. 689 p. (In Russian)
13. Tereshchenko N. M. *V pomoshch' samostoyatel'no izuchayushchim neneckij yazyk* [To help self-learners of the Nenets language]. Leningrad: Uchpedgiz Publ., 1959. 148 p. (In Russian)
14. Tereshchenko N. M. *Nenecko-russkij slovar'* [Nenets-Russian Dictionary]. Moscow: Sovetskaya enciklopediya Publ., 1965. 749 p. (In Russian)
15. Tereshchenko N. M. *Neneckij epos: Materialy i issledovaniya po samodijskim yazykam* [Nenets Epos: Materials and research on the Samoyedic languages]. Leningrad: Nauka: Leningr. otd-nie Publ., 1990. 335 p. (In Russian)
16. *The Cambridge Handbook of Linguistic Typology*. Edited by A. Y. Aykhenvald and R. M. W. Dixon. New York: Cambridge University Press, 2017. 1026 p. (In English)
17. Moravcsik E. *Introducing Language Typology*. New York: Cambridge University Press, 2013. 320 p. (In English)
18. Payne T. *Exploring Language Structure: A Student's Guide*. New York: Cambridge University Press, 2006. 391 p. (In English)
19. Velupillai V. *An Introduction to Linguistic Typology*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2012. 517 p. (In English)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кошкарёва Наталья Борисовна, профессор, зав. сектором языков народов Сибири Института филологии СО РАН (630090, Российская Федерация, г. Новосибирск, ул. Николаева, д. 8) зав. кафедрой общего и русского языкознания Гуманитарного института Новосибирского государственного университета; доктор филологических наук.

koshkar_nb@mail.ru

ORCID.ID: 0000-0002-4578-6591

ABOUT THE AUTHOR

Koshkareva Natalya Borisovna, Professor, Head of the Department of Siberian Languages, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science (630090, Russian Federation, Novosibirsk, Nikolaeva st., 8); Head of the Department of General and Russian Linguistics, Humanities Institute of Novosibirsk State University; Doctor of Philological Sciences.

koshkar_nb@mail.ru

ORCID.ID: 0000-0002-4578-6591